

Волна разбивается о стену здания, разбрызгиваясь вверх стеной воды.

Слава поднимает кулак и мы проходим насквозь. Лазершоу недалеко за нами. У неё на хвосте - остальные из Новой Волны.

Леди Фотон, Барьер, Мегаватт, Брандиш и Бризант. Слава ныряет направо поворачивая за угол как раз вовремя, чтобы увернуться от здания, полу-упавшего на другое, через улицу.

Моя хватка вокруг Славы крепче железа. Если расслаблюсь хоть слегка, я знаю, что упаду, отправлюсь стремительно в глубины вниз. Писать в такой обстановки затруднительно - спина Славы не особенно хорошая замена бумаге - но я упорствую.

Мы берём очередной поворот, почти врезаясь в небоскрёб, когда мы отклоняемся направо. Новая Волна выполняет поворот ещё более резко, Барьер кидает пузырь и семья отскакивает под перпендикулярным углом, срезая несколько миллисекунд и сокращая дистанцию между нами ещё немного.

Мы уже недалеко от бункера. Ближайший к моему дому, адрес, который мой отец вбил мне в голову. Хотя мы никогда не говорили о Губителях, он убедился, что я знала что делать. Если он хоть где-нибудь найдётся - это там.

Но Новая Волна настигает. Они лучшие летуны, более опытные, знакомы с местностью, хороши в адаптации к внезапным изменениям в обстановке. Дюйм за дюймом, они настигают нас. Они сделают это прежде чем мы доберёмся до бункера.

Я смотрю через плечо Славы и вижу Леди Фотон, взлетающую за нами, её руки заняты её сестрой, Брандиш. Мать Славы. Черты её лица искажены в ярости. Я практически слышу гнев в её дыхании, жажду крови, ищущую выхода.

Скоро, я собираюсь поговорить с ними.

"Оу, хей," говорит клерк, нотка удивления в голосе. Ему тридцать лет и его макушка уже лысеет. Недостаток привлекает глаз, и неважно как упорно он отращивает волосы сзади. Его имя Эли и он помнит меня.

"Давненько тебя не видел," говорит он так обыденно как может. Высказывание противоречит

клубку вопросов, что он собрал в своей голове. Я - почти самая интересная вещь, проходящая сквозь дверь месяцами.

Я не отвечаю, направляясь в конец магазина, где они держат чай. Я беру так много, сколько влезает в мою корзину и приношу всё обратно к кассе.

Эли знающе улыбается пока я начинаю раскладывать коробки на прилавке.

"Любишь чай, да?" Он усмехается, начиная пробивать товары.

Я смотрю на него и он улыбается, как если бы это было ординарным ответом. Мне не нравится Эли, но я предпочитаю его отцу. Отец Эли может узнать меня, его больше прессовали вопросами, когда я первый раз пришла в магазин. Эли, с другой стороны, очарован.

Он принимает моё молчание за робость, моё отсутствие реакции за травму, а моё избегание его отца как выбор его общества. Он видит во мне сломанную куклу, которую лишь он может починить.

"Хорошо, всего выходит тридцать пять, тридцать три." Снова, эта улыбка. Патриархальная. Снисходительная.

Я хочу заговорить. Сказать ему, что я не сломлена, и тем более не кукла. Что я сдерживаюсь лишь ради его блага и всех остальных в этом оставленном, забытом маленьком городе. Чем меньше я говорю, тем лучше для всех. Я не хочу привлекать неприятности, я просто хочу писать.

Я кладу пару двадцати долларовых купюр на прилавок. Эли берёт их и в этот момент, его глаза притягиваются на мгновение к движению моей руки.

Он не может сдержать свой вопрос. "Всё ещё пишешь?"

Вопрос укалывает меня. Покровительственный, жалеющий, насмехающийся. Я не отвечаю, даже не киваю головой.

Эли хмурится и наконец и наконец замечает моё недовольство. Он заканчивает собирать мою сдачу, упаковывает чай и передаёт мне. Я тянусь через прилавок, чтобы принять его свободной рукой, и на мгновение, наши руки сталкиваются.

"Ты навредишь себе, если не остановишься," говорит он тихо.

Я вырываю руку назад, сумки стучат неловко о прилавок. Толчок заставляет Эли отдёрнуться, он вскидывает руки вверх, будто я направила на него пистолет.

"Прости, прости," говорит он, "Прости, я просто..."

Я не жду, пока он закончит. Я спешу к выходу, моя давно высохшая авторучка сильнее вдавливается в бедро.

Я узнаю его по рубашке. Светло-голубая, тускнеющая в белый. Ему всегда было сложно подбирать рубашки. Сложно найти размер, подходящий его строению. Если они подходили ему по росту, они бы были слишком широки в поясе. Если же в поясе всё совпадало, рукава были бы слишком короткими. Найти портного для спец. заказа было слишком дорого и того не стоило. В конце концов он имел хоть и всего одну хорошую рубашку.

Затопленный водой, рубашка прилипла частями и выпирает другими, маленькими воздушными карманами. Он нашёл её в благотворительном магазине, случайная удача, другой мужчина с похожим строением отдал её в магазин. Иногда мне интересен этот загадочный мужчина. Ошибся ли он с покупкой рубашки, или он и вправду был столь же высок и худощав, как мой отец?

Мог ли он быть двойником моего отца? Могло ли это тело, дрейфующее лицом вниз в воде быть им?

Я пробираюсь вперёд. Вода хлещет о мои колени, плотная, с грязью, мусором и кровью. Бункер обвалился внутрь и все вокруг - это остатки населявших его. Всё не настолько грязно как я думала это будет. Всё было разбавлено водой. Есть только плавающие тела и розоватый оттенок воды.

Я достигаю тела и врезаюсь в него, рука сталкивается с моим бедром когда маленькая волна приносит её. Бессознательно, я беру руку, но она холодна.

Лучше если я не увижу это. Я могу закрыть глаза и сказать Славе убрать тело. Героиня в белом парит сзади, вместе с остальной семьёй. Они парят над водой, невыразительны как статуи, готовы выполнить любой приказ.

Но это должна быть я. Я беру тело за плечо и переворачиваю.

Это он. Конечно это он.

Моя голова запрокидывается, слёзы разрезают мои щёки, и я кричу.

<http://tl.rulate.ru/book/17935/367120>